

Н. П. ОГАРЕВ

Из письма Н. М. Сатину

<...> Было время, я без великого занятия вошел в учение Гегеля, и теперь выхожу из него также без великого занятия. В Берлине точка зрения меняется. Школа Гегеля заключила мир в логическую форму. Жизнь абстрактной идеи она назвала жизнью мира. В этом и была ошибка. Мир, казалось, прояснился в строгом логическом развитии. Так все это закончено, что уже и в истории нечего было прибавить. Бог был логическое бытие, которое перешло в другое — в природу, и возвращалось к себе в человеческом сознании. Человек вел сознание бога и не существовал сам по себе. Логическая необходимость господствовала. Свобода человеческая исчезла. Это был пантеизм. Шеллинг назвал это отрицательной философией. Отрицательной потому, что бытие только было абстрактное, логическое, а не положительное, не действительное. Шеллинг этим не сказал ничего, что бы уже не существовало в требованиях новейшего поколения. Всем становилось душно в очерченной системе, из которой выход казался преступлением; формализм становился тяжел. Но многое разработалось, метода прояснилась. Гегелизм совершил свое дело и принес плод. Теперь Шеллинг начинает переход от отрицательной философии в положительную. *Разум*, полагает он, не может ни до чего прийти, кроме самого себя, т. е. только до бытия логического, абстрактного, отрицательного. Чтобы прийти до бытия положительного, действительного, ему надобно выступить из самого себя, подняться до созерцания действительного бытия, действительного бога. Потом он говорит: *положимте*, что мы дошли до такого созерцания, — и на этой гипотезе строит. Тут ясно, что его бог — *deus ex machina*¹ — бог знает откуда взялся. Но Шеллинг просит его дослушать до конца, тогда его система оправдается. Он пришел с претензией человека, предназначенного провиде-

нием высказать остальную философию. Он долго молчал, и теперь, когда король призвал его в Берлин², он сознал призвание — иначе он бы отказался. Но, кажется, у старика нет сил для великого дела: он хочет выдумать новое и возвращается к Спинозизму и своей старой *Abhandlung über die Freiheit des Menschen*³. Изложение его вяло. Гегелем он подавился и не может проглотить его. Студентами он частью принят грубо; третьего дня он опоздал, извинился, хотел просидеть 10 минут после звонка; студенты зашаркали. Это свинство. Шеллинг много сделал и заслуживал бы более уважения. Но вот настоящие требования: выйти из абстрактности, выйти из формализма, выйти из пантеизма; отдать человеку свободу воли. Я немало мучился этими вопросами, хотя славянская лень мешала строго заняться ими. Мое собственное безволие, безволие моего характера клонили меня отрицать волю человека и все подчинить закону необходимости. Но ведь это ложь. Надо спасти волю, иначе всякое нравственное начало исчезает. Есть требование на личное бессмертие. Есть вера в примирение с этими вопросами. Но теперь я в хаосе, как и все, и тяжело, и душа ропщет. За вопросами умозрительными следуют социальные. Потом вопрос личного блаженства. Но надо видеться, чтоб говорить об этом; на бумаге нет ни места, ни времени. Но я болен, я глубоко страдаю этими вопросами. Часто спокойствие оставляет меня; я мучусь и рвусь, и все бесплодно. Везде какие-то снега, скалы, которых ни перелезть, ни разломать нельзя, и тяжело становится. Душно, душно! Вообще есть вера разрешить и эти задачи, но до сих пор ничего не разрешилось. А потребность выхода с каждым часом ощутительнее и гнет с каждым часом нестерпимее. Много силы надо. Чтоб жить. А надо жить. Самоубийство невозможно. Для него надо еще более бессилия. Вера в жизнь и резигнацию⁴ — вот мой девиз. А тяжела резигнация... Dahin, Dahin⁵.

